

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

“АХ, ФЁДОР МИХАЛЫЧ...”

Чистое голубое небо. Последние золотые деньки осени. Рязанское шоссе, окаймлённое с двух сторон жёлтыми и оранжевыми рядами берёз и клёнов...

Наш автобус мчится в сторону древнего Зарайска к наследственному имению Достоевских в селении Даровое, где мы будем открывать памятник великому пророку и писателю России.

А на дворе стоит третье октября зловещего 1993 года, и наш автобус, переполненный известными русскими писателями, раскололся на два лагеря — патриотов и демократов, спорящих о том, где засели современные бесы: в ельцинском Кремле или в руцковском Белом Доме.

... На поляне селения Даровое к открытию памятника Фёдору Михайловичу уже собрался народ, и мы, вышедшие из автобуса, сразу же поспешили к трибуне. Одним из первых завладел наспех сколоченной трибуной автор нескольких книжек о Достоевском писатель-демократ Юрий Карякин, сразу же завопивший о том, что бесы, о которых писал Достоевский, засели в Парламенте, откуда их надо изгнать. Я не усидел, бросился к трибуне и, буквально вытолкнув из неё Карякина, призвал народ поддержать волю Верховного Совета, сопротивляющегося кремлёвским бесам... И я был прав, потому что на следующий день золотой осени танкисты Таманской дивизии расстреляли под улюлюканье многотысячной толпы наш Парламент, несмотря на заявления русского церковного мира о том, что виноват будет тот, кто первым прольёт кровь. И кровь пролилась.

А наши споры на поляне селения Даровое вспоминаются мне до сих пор, и мне хочется верить, что несколько моих стихотворений, в которых я упоминаю о Достоевском и его бесах, написаны мною не без его помощи...

* * *

*Не лучшие в мире у нас пироги,
Не лучшие туфли, не лучшие жнейки,
Но лучшие в мире у нас телогрейки,
А также резиновые сапоги.*

*Мы честно несли ордена и заплаты,
Мы нищими были, мы стали богаты,
Поэт бизнесменский, к примеру, у нас
Богаче Есенина в тысячу раз.*

*Ах, Фёдор Михалыч, ты видишь, как бесы
Уже оседлали свои “мерседесы”,
Чтоб в бешеной гонке и в ярости лютой
Рвануться за славою и за валютой...*

*Мы пропили горы, проели леса,
Но чудом каким-то спасли небеса,
Мы тысячи речек смогли отравить,
Но душу никак не умеем пропить.*

*Уходит в историю наша эпоха,
Мы прожили жизнь хорошо или плохо —
Не знаю. Оплачены наши счета...
А больше я вам не скажу ни черта!*

* * *

*Вновь на дворе беспокойное время —
администраторов ветхое племя
заново силится помолодеть.
Гений хирург золотыми руками
вычислил, как отторжение ткани
перелукавить и преодолеть.*

*Замкнуты в сейфах живые комочки,
нежные железы, сердце и почки,
всё продаётся, но стоит миллион...
Если наскучила участь кастрата,
выпиши чек — молодая простата
ёкнет в череслах — и станешь влюблён.*

*Нету предела дерзанью и власти!
Негры и чукчи пойдут на запчасти,
станут бессмертными наши жрецы!
Жалкие Мафусаиловы горы!
Мы раздробили законы природы,
перевернулись в гробах праотцы!*

*Но Инквизитор Великий, Верховный
хмурится:*

*“Как в этой жизни греховной
не утратить бы державную нить?
Как среди хаоса следовать долгу?
Мозг поменяли такому подонку,
кого следовало расчленить!
Впрочем, всё к лучшему. Всё продаётся,*

*Только душа до сих пор не сдаётся,
чую, что где-то таится, жива!
Чем ухватить её? Ни пересадкой,
и никакой инквизиторской хваткой...
полного нету во мне торжества!”*

1993

* * *

*В гражданской войне победителей нет,
Поскольку она без конца:
Хоть семьдесят лет, хоть сто семьдесят лет,
Коль сын отвергает отца.*

*Чего же ты жаждешь, народный трибун?
Не много ли разных заплат
Нашило на многопартийный костюм,
Гибрид, партократ-демократ!*

*А время всё злей. На каком рубеже
Ты снова изменишь свой лик?
Ведь некуда пробы поставить уже,
И голос срывается в крик!*

*Но снова ты рвёшься к трибуне, хрипя,
Накачивая желваки,
И некому бесов изгнать из тебя
Чудесным движеньем руки.*

*От жестов и криков хмелеет народ,
Из уст у оратора — дым!
И некому вспомнить Семнадцатый год,
Что кончился Тридцать Седьмым.*

1990

МОНОЛОГ

*“Наивные хулители Европы —
чего с них взять!
Родные русофобы
куда подлей, когда карьеры для
витийствуют, отечество хуля,
вчера аж одного перекосила
почти нечеловеческая сила
от слов моих: “родимая земля”.*

*В грядущеезираю с интересом:
врагом народа, психом, мракобесом —
так окрестят меня в родном краю.
Руси не избежать таких соблазнов,
и если уж Алёша Карамазов
взрптал, то мы у бездны на краю.*

*Что говорить — и мы несовершенны,
избыток чувства размягчает гены.
Какие есть — на то не наша власть...
О, только бы отринула Россия
соблазн возмездья и восторг насилья,
чтобы для Воскресенья не пропасть!”*

1993